18+

Василий Лягоскин

ДОМА МЫ НЕ НУЖНЫ

Книга шестая: В мире Болотного Ужаса

Василий Лягоскин

Дома мы не нужны. Книга шестая: В мире Болотного Ужаса

«Издательские решения»

Лягоскин В.

Дома мы не нужны. Книга шестая: В мире Болотного Ужаса / В. Лягоскин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854111-7

Злая прихоть развоплощенного Спящего бога послала полковника Кудрявцева и его товарищей в край гиблых болот. Первые мгновения этого «путешествия» во времени и пространстве не пережили сразу несколько десятков землян. Оставшиеся в живых не сдаются; здесь, в краю, практически лишенном живительных лучей солнца, они только теснее сплачиваются вокруг командира. А ведь надо еще и аборигенам помочь в их вечной борьбе с Болотным Ужасом!

ISBN 978-5-44-854111-7

© Лягоскин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Марк Туллий. Легионы не сдаются 6
Глава 2. Вождь. Рожденный повелевать 13
Глава 3. Консул Лентулл Батиат, он же Спартак. Битва, которая не состоялась 21
Глава 4. Оксана Кудрявцева. Беда, которую не ждали 26
Глава 5. Легат Марк Туллий. Дождались 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Дома мы не нужны
Книга шестая: В мире Болотного Ужаса

Василий Лягоскин

© Василий Лягоскин, 2017

ISBN 978-5-4485-4111-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Марк Туллий. Легионы не сдаются

– Легионы не сдаются!

– Да! – рявкнул строй так мощно, что с деревьев, которые отстояли от стен крепости на расстояние шести дюжин стандартных шагов, сорвалась стая черных птиц.

Марк Туллий довольно улыбнулся. Такое в торжественный миг развода караула мог позволить себе только он – легат, единственной в этом удивительном мире, не знавшем ни дня, ни ночи. Впрочем, сами эти слова: «День», «Ночь», как и многие другие, знали и пользовали только в высокородных семьях – в двух семьях, передававших от отца к сыну и от матери к дочери тайные знания. Знания, практически никак не помогавшие провинции в извечной борьбе с болотным Злом, но (согласно тем же преданиям) в далеком будущем просто необходимые при встрече с Избавителем.

В семьях – и легата Марка Туллия, называвшего себя иногда тайным именем Борис Левин, и консула римской провинции Лентулла Батиата (его вторым прозвищем было короткое и звучное Спартак) – Избавителя, прихода которого истово ждали все римляне, от мала до велика, называли по-иному – Товарищ Полковник. И ждали, пожалуй, с большим нетерпением, чем все другие жители провинции. Хотя и понимали, что с появлением Избавителя их ничем не ограниченная власть закончится.

Хотел ли этого Марк Туллий? Он старался не задавать себе такого вопроса. А если такая мысль и находила место в его голове, всегда забитой дюжинами неотложных дел, ответ она находила весьма уклончивый. В такой момент Марк Туллий словно беседовал с Борисом Левиным, который обычно мирно дремал в укромном уголке души:

– В конце концов, – восклицал легат, – больше тридцати поколений Туллиев не дождались исхода Избавителя. Почему он должен появиться именно сейчас, в наше с Батиатом правление?

Борис в его душе обычно усмехался:

– Ты не знаешь Товарища Полковника. Он появится. Обязательно появится… в самый нужный момент.

На этом их дискуссия и заканчивалась. Потому что никто не мог сказать, когда этот самый «нужный момент» настанет.

В груди легата вдруг противно заныло. Лицо его – непроницаемое, чуть надменное, не изменило обычного выражения. С таким Марк Туллий отправлял в караул очередную смену. А защемило в сердце потому, что, судя по всему, «момент» действительно наступал. Неизвестно – «нужный», или нет, но очень тревожный.

– Даже не так, – поправил себя легат, кивая командиру караула, и тем самым завершая торжественную церемонию, – смертельно опасный момент.

Это Марк Туллий, глядевший в спины легионеров, защищенные сталью, вспомнил уже о донесениях разведчиков. Их служба была в подчинении консула – Лентулла Батиата, он же Спартак; и принесла недавно совершенно немыслимое сообщение. Болотные племена, враги и римлян, и всего живого в мире, кажется, договорились о союзе. Всю свою сознательную жизнь Марк осознавал одну непреложную истину: пока племена грызутся между собой – за болотные неудобья; за подачки провинции; за право занять лучшие места на торгах, что устраивали римляне; за многое другое, жизненно необходимое для дикарей, именующих себя вызывающе цветисто – провинция будет жить. Мелкие набеги, свершаемые молодыми дикарями, успешно отражались силами караула. Крепость могла отразить атаку отдельного племени, даже двух… в крайнем случае трех. Но если все шесть воющих, измазанных болотной грязью орд в воняющих шкурах диких зверей одновременно пойдут на штурм крепостных стен… А главное – если шесть вождей призовут силы, дарованные им Темным небом, и обрушат их на римлян…

– Вот тогда только и останется надеяться на приход Избавителя, – легат поднял лицо к небу – действительно низкому и темному.

Оно всегда было таким; неласковым, но многообещающим. Последнее – от светлых полос, иногда прорывавших темные тучи и вечный полусумрак. Борис в душе называл эти полосы дарами далекого солнца – еще одного призрака, о котором в семьях много говорили, но никогда не предполагали увидеть.

– Для этого, – рассказывал Левин, и Света Кузьмина – вторая ипостась супруги легата, Ливии Терции – кивала этим словам, – нужно идти… долго и неутомимо – сквозь земли племени Дикаря с меховой трубкой, потом – по болотам, по гиблым топям, куда не суются даже дикари, потом…

Тут фантазии Бориса иссякали, и он умолкал, тяжело вздыхая. Потому что знал – еще десять поколений назад один из предков Лентулла, вместе с самыми отчаянными разведчиками совершили беспримерный по безрассудству и храбрости рейд по границам болот. Этот рейд, названный Великим, и до сих пор воспеваемый в песнях, начался как раз в землях племени Дикаря, чьим отличительным знаком была длинная меховая трубка, в которой злокозненный вождь прятал свое главное достоинство. Там же он и закончился – через шесть дюжин кругов. А это означало, что их мир – мир, центром которого во всех смыслах была римская провинция – был окружен болотами со всех сторон.

– И ждать, что эти проклятые болота когда-то высохнут, бесполезно, – сказал тогда Лентулл Батиат, и все с ним согласись.

Потому что с неба обычно сыпалась мелкая изморось, переходящая временами в ливень. Это добавляло влаги в и так пропитанный ею мир. А в редкие моменты прояснения, даривших римлянам красоты тех самых «солнечных» полос, надвигалась другая напасть, несущая телам и душам страданий никак не меньше, чем вечный дождь. С болот налетали тучи гнуса. Теренция Квинтилла (она же Ирина Жадова) как-то мечтательно проговорила – словно вспоминая что-то невообразимо далекое и несбыточное, как сновидение:

– Есть же места, где эти твари мелкие, словно… семена красных цветов, дарующих забвение…

Гнус болот, окружавших земли провинции, был не таким. Каждая тварь была размером с кулачок самой Теренции; стая гнуса могла выпить человека своими длинными жалами, похожими на страшные колючки растений, что росли на границе болот и относительно сухих земель, за время, которое плевок со стены крепости долетал до земли. Легат на всякий случай тут же сплюнул вниз – вспомнил случаи, когда это действительно происходило; когда римляне почему-то оказывались без защиты. Защита, кстати, тоже привносилась в мир цивилизации (читай – провинцию) все теми же дикарями. Сок болотных трав, место произрастания которых римские разведчики так и не смогли найти – даже ценою многих жертв – отпугивал гнус лучше дыма пахучих трав, и даже открытого огня костров. Этот сок, кстати, был главным товаром на торгах – со стороны дикарей племени Вождя, убивающего взглядом.

Легат теперь зябко поежился. Не от заряда дождевых капель, которые злой ветер бросил на край крепостной стены, где стоял Марк, а от жутких воспоминаний. Марк Туллий и сам однажды чуть не поддался чарам этого Вождя; не ушел вслед за ним в болота. Хорошо – рядом стояла супруга. Ливия Терция славилась далеко за пределами провинции своими целительскими способностями. Как оказалось в тот страшный момент, еще и способностью противостоять чарам; и брать под свою защиту людей, стоящих рядом. Тогда легата словно окатило потоком холодной воды, с которым не мог сравниться никакой ливень. А Вождь, убивающий взглядом – нарушивший негласный закон, и за то по давней традиции навсегда отлученный от торгов – сверкнул злым взглядом и ушел.

– Скорее всего, – тоскливо подумал Марк Туллий, – это именно он и мутит болотную воду.

Легат принялся подсчитывать, на сколько кругов провинции хватит запасов сока. Почему-то пришла уверенность, что очередные торги не состоятся. А если и состоятся – цена, которую заломят дикари за сок, никак не устроит римлян.

– Впрочем, – решил легат – после недолгих подсчетов, – это можно будет проверить. В следующем же круге. Дам сейчас команду трубачам – пусть созывают Большой торг.

Сразу дать команду не получилось, потому что за спиной, по камням крепостной стене, простучали женские каблучки. Марк узнал бы этот стук из мириадов других (что бы это слово – «мириад» – не означало). Поэтому к любимой супруге, к Ливии Терции, он повернулся уже с широкой улыбкой. Но женщину, особенно такую, как Ливия, обмануть было невозможно. Прильнувшая к мужу, одетому в кожу и сталь доспехов, она чуть слышно вздохнула, а потом задала вопрос, не отрывая головы от груди Марка Туллия:

– Ты тоже?! Ты тоже почувствовал Зло, что скапливает свои силы в болотах?

– Оно всегда жило там, – попытался мягко успокоить жену легат, – и мы всегда противостояли ему. Потому что кроме нас – некому!

– Да, некому, – еще печальней выдохнула Ливия.

Она, наконец, оторвалась телом от супруга, чтобы вздрогнуть, и устремиться вперед, к самому краю стены. «Ах!», – с таким стоном она едва не шагнула в бездну. Марк Туллий едва успел удержать ее от рокового шага. А потом и сам застыл в удивлении; почти в мистическом страхе. Впрочем, страхом это чувство назвать было нельзя; скорее – предчувствием страшного будущего. Именно таким ему представилась туча мошки, что вдруг упала из туч, в которых пряталась до сих пор. До стен, и до римлян, застывших на них, эта туча не долетела. Влекомая каким-то инстинктом, а может, командой злого разума, она остановилась не выше, чем в дюжине стандартных шагов от голов Марка с Ливией («Какие шаги в небе?», – успел подумать легат); потом туча распалась, размазалась огромным диском, что закружил вокруг крепости сплошным покрывалом, почти закрывшим все внизу от дождя.

Зрение у Марка Туллия было отменным. Он при желании мог различить каждую мошку; каждый хоботок, несущий смерть всему живому. Но сейчас он внимал не собственным чувствам, а словам Светы Кузьминой, которая, собственно, и владела колдовским даром внутри Ливии Терции.

– Это предупреждение, – шептали женские губы, – или демонстрация силы и колдовской мощи, которая подняла в небо эту тучу, и сейчас кружит ею над нами, пытаясь…

– Клеон! – единственное слово заставило Ливию замолчать – словно оно порвало незримую нить, соединявшую целительницу с единым разумом мириадов (пригодилось-таки слово!) мошек.

От стены, за которой скрывалось караульное помещение, оторвалась фигура пожилого прокуратора. Эта «тень» легата была такой же привычной, как дождь, или болотные испарения, которые очерчивали своими миазмами владения провинции. Сколько помнил себя Марк – с самого детства – Клеон всегда был рядом. И всегда был готов исполнить любое его поручение; любую прихоть. По сути это была еще одна пара рук, ног, и еще одна голова легата. Насчет сердца старого прокуратора Марк Туллий голову на отсечение не дал бы. Ибо было завещано предками: «Чужая душа – потемки!». Может, в сердце Клеона бушевали страсти; может, он хотел бы в своей жизни иной, более великой участи? Может быть. Но, ни разу за бесчисленные круги, что был рядом с легатом, прокуратор не дал усомниться в верности. Вот и сейчас он шустро засеменил ногами, чтобы исполнить очередное повеление господина.

Ливия на слова супруга, адресованные трубачам, никак не отреагировала. Он по-прежнему вслушивалась и ушами, и сердцем в беззвучный клич стаи мошек, размазавшейся в небе в серый слитный диск. И вздрогнула всем телом – как понял Марк – не от пронзительного рева полудюжины труб, а от реакции на него этого диска. Строй неразумных летающих тварей распался; превратился в хаотичное облако, которое организовывалось во что-то упорядочен-

ное, лишь при виде добычи. Вот тогда, и только тогда, можно было сказать, что стаей мошек управляет общая воля. Но имя той воле было – слепой инстинкт. Что, или кто управлял стаей сейчас?

– Вождь, – прошептала супруга в отчаянии, – это Вождь, убивающий взглядом. Это он смотрел на нас глазами каждой мошки; и он же пообещал – прежде, чем они распались из общего организма – что скоро придет, чтобы забрать свое!

– Ничего своего у него тут нет! – твердо ответил ей не муж, но легат, отвечающий вместе с консулом за жизнь каждого римлянина, – и сюда он не придет! Потому что тем самым нарушит извечный закон. А это – смерть для него самого, и для его племени.

Марк Туллий был искренен сейчас; он сам верил, что так и будет. Старался верить. А Борис Левин в его душе тщетно старался отогнать простой вопрос: «И что тогда будет с нами, с римлянами. И с остальными племенами – без сока болотной травы?»

– Тогда, – легат улыбнулся и Ливии, и внутрь себя, куда и обратился с извечной верой, – будем ждать Избавителя. Как говорится в старых преданиях: «Вот приедет Барин, Барин нас рассудит!».

Борис ответил совершенно нелогично, хотя с не меньшей убежденностью в голосе:

– Ты так самому Товарищу Полковнику не скажи. Сдается мне, что ему такие слова совсем не понравятся.

Легат кивнул – своей ипостаси: словно обещая вести себя с Избавителем подобающим образом. Одновременно он увлек со стены Ливию, которую вдруг пробила крупная дрожь:

– Пойдем дорогая. Тебе надо отдохнуть. Скоро прибудут племена. А без тебя торг не начнется.

Легат имел в виду сейчас удивительную способность своей жены видеть в людях и предметах даже маленькую искорку Зла. Любая, самая незначительная вещь, пришедшая с болот, проходила проверку тайным зрением Светы Кузьминой. Зло – в любом его проявлении, отвергалось. Как бы не нужна была провинции эта вещь. Так было всегда…

Зловредный вождь, как и предполагал Марк Туллий, на торг явиться не посмел. Но людей своих с товарами прислал. Впрочем, у этого племени был лишь один товар, который прежде выменивался на зерно с полей провинции, стальные ножи, не боящиеся болотной жижи, и множество других полезных вещиц, таких незаметных в повседневной жизни, но отчаянно незаменимых – когда их не было. Взять их дикарям болот, кроме как на торгу, у торговцев римской провинции, было негде.

Другие племена тоже пришли не с пустыми руками. Мясо и меха болотных животных; кожаные мешки, полные железной руды, которую дикари копали в тайных рудниках (это они сами думали – тайных), заливаемых жижей, и многое другое. Бочонки с соком (тоже, кстати, изготовленные римскими умельцами), на этот раз привез Марко. Этот дикарь – не такой вымазанный в грязи, как остальные болотники – раньше, пожалуй, даже нравился легату своей рассудительностью, и степенной основательностью. Теперь же Марк Туллий едва не отшатнулся, когда дикарь обратил на него застывший взгляд. Потому что глазами Марко на него смотрел Вождь. И он же процедил сквозь зубы – словно выплевывал изнутри по одному слову:

– Новая цена на сок, легат. Новая!

Марк сумел взять себя в руки; посмотрел в ответ не менее высокомерно:

– Говори о цене с торговцами, Марко. Легат римского легиона никогда не снисходил до таких низких занятий.

Снизойти пришлось – и ему, и консулу Лентуллу Батиату. Они как раз остановились вместе с супругами на пригорке, обозревая окрестности; главным образом – торг, на этот раз не такой шумный. Оживленней всего было вокруг тех самых бочонков с соком болотных трав.

– Словно дикари тоже ждут каких-то перемен в жизни, – подумали вместе Марк Туллий с Борисом Левиным, – и стараются запастись спасительным соком. Надо; надо будет еще раз послать разведчиков на поиски этой травы.

Он как раз хотел сказать об этом консулу, когда от торга отделилась, и стремительно понеслась к правителям низенькая фигурка Кассия – главного, и лучшего торговца провинции. Обычно этот толстяк, ценимый сородичами за умение отчаянно торговаться, и сбивать первоначальную цену дикарей в разы, передвигался степенно, шумно отдуваясь и натужно дыша от избытка жира, которым заплыли все его внутренности, и наружные части тела, включая лицо. Теперь же его лицо было заполнено еще и великим изумлением, смущением, и (показалось легату) отчаянием.

– Нет, не показалось, – решил Марк – как только Кассий открыл свой рот.

– Прошу глубочайшего прощения, высокородные, за слова, которыми я вынужден осквернить ваше внимание, – проговорил он быстро – словно боялся, что не сможет заставить себя исторгнуть те самые слова.

– Говори, – первым кивнул ему консул, – говори все как есть; ни словом не приукрашивая истины.

– Цена…, – толстяк широко открыл рот, словно вместе с воздухом набирался храбрости, – цена на бочонки с соком, высокородные…

– Что с ценой? – это уже легат подталкивал торговца к ответу – каким бы неожиданным он не был, – в два…, в три…, в десять раз выше, чем обычно?

– Хуже, – просипел Кассий, – много хуже.

– Говори! – на такое повеление легата толстяк просто не смел не ответить.

И он ответил, нагнув голову низко – так, чтобы никто не мог видеть его глаз:

– Дикари требуют за сок римских женщин, высокородные. По одной женщине за бочонок. Или…

– Говори! – теперь это слово, вырвавшееся из уст Марка Туллия, словно разрезало стылый воздух.

– Или всю партию – две дюжины бочонков – за нее.

Кассий, так и не поднимая головы, кивнул в сторону Ливии. Ответом ему было молчание высокородных. Лишь едва слышное: «Ах!», – вырвалось из груди супруги легата. И только он – любимый и любящий муж – мог прочесть в этом выдохе и отчаяние, и гордый выдох, и… решимость пойти на жертву; ради римлян, ради него, Марка, и ради их детей.

– Никаких жертв! – обменялись кивками Марк Туллий с Борисом Левиным, – надо будет – пойдем, и силой отберем этот сок. Или придумаем еще что-то…

Про Избавителя, про Товарища Полковника, в этот раз ни одна ипостась легата сейчас не вспомнила. Он решительно взял супругу под локоток:

– Пойдем, оценим, чем так ценен этот товар.

Пошли все четверо. Кассия, плетущегося чуть позади, Марк в компанию не включил. А скоро тот и вовсе затерялся в толпе – как только высокородные этой толпы достигли. Люди – и римляне, и дикари – расступались прежде, чем на них падали скупые тени четверки. Словно это решительный, полный гнева взгляд легата рассекал надвое толпу. А вот Марко этот взгляд ничуть не испугал. Глаза Вождя, убивающего взглядом, словно насмешливо говорили сейчас:

– И что ты сделаешь? Смахнешь рукой в сторону; убьешь железкой, что болтается на твоем поясе? Давай – убивай! И тогда я приду сам. И приведу с собой все племена. Буду в полном праве.

Два взгляда долго мерялись бы силой и жгучей ненавистью, если бы в это противостояние не вмешалась своим нежным голосочком Ливия. Впрочем, сейчас даже супруг не назвал бы этот голос нежным; он мог бы поспорить своей твердостью и решительностью с обоими взглядами:

– Показывай свой товар, посланник Вождя.

Марко все-таки склонился перед высокородной римлянкой. Может, он пытался скрыть от нее какие-то мысли? Или вожделение, привнесенное извне? Правой рукой он, так и не разгибая спины, махнул в сторону бочонков, выстроенных двумя равными горками. В них – как быстро подсчитал легат – было ровно по две дюжины надежных емкостей, не дающих протечек в течение целой человеческой жизни. Он даже возгордился было мастерством сородичей, но все внутри перебил вопрос:

– А почему тут две партии? За кого они предлагают сторговать другие две дюжины бочонков? За нее?

Он бросил украдкой взгляд на жену консула, на Теренцию Квинтиллу. Ответный взгляд был кротким, и каким-то отсутствующим – словно Теренция, а вместе с ней Ира Жадова, уже готова была одарить дикарей, явившихся на торг, своим талантом – песней, которой этот торг и заканчивался. Легат давно подозревал, что именно ради этих волнующих сердце мгновений приходит на торг большинство жителей болот.

Зато взгляд Спартака, Лентулла Батиата, был полным ответной ярости – направленной, конечно же, не на него, на Марка, сородича и друга консула, а на надменное сейчас лицо выпрямившегося вновь Марко. Словно консул тоже разглядел за этой прежде вполне смиренной физиономией гнусный оскал его Вождя.

– Нет! – за торговца дикарей сейчас действительно отвечал его Вождь, – эти бочонки (он махнул рукой в сторону горки товара слева) мое племя готово отдать Риму… почти даром. За безделицу, которая не может принести никакой пользы. За Камень.

Легат, а вместе ним и остальные, услышавшие сейчас кощунственные до жути слова, невольно содрогнулись. И было отчего! Камень, точнее, Камни, были главной ценностью каждого племени. Римлян в том числе…

– Хотя, – подсказал в душе Левин, – кто мы по сути, как не такое же племя, подобное болотникам. Чуть организованнее и чище. Главным же отличием римлян от этих несчастных (Борис махнул рукой Марка на ближних дикарей, и те отшатнулись) я считаю то счастливое обстоятельство, что нашим предкам когда-то на заре времен достались эти земли.

Теперь их общая рука обвела кругом всю округу и остановилась, едва не ткнувшись в грудь Марко, прикрытую шкурой неизвестного животного.

– За такие слова, – мрачно сообщил дикарю Марк Туллий, – тебя надо предать смерти. Самой мучительной, какую только можно придумать. И предам!

Легат наклонился к низкому по сравнению с римлянином дикарю, и прошептал – яростно и непреклонно; только для его ушей:

– И предам! Того, кто говорит сейчас твоими устами!

Словно кто-то в неведомой дали устрашился его ярости; а может – отвлекся на новое «Ах!» Ливии. Тело дикаря сложилось в глубоком поклоне; потом он рухнул на колени, а следом и всем телом на влажную траву. Но Марку Туллию было не до него. Он одним гигантским прыжком оказался подле супруги – у той самой груды бочонков, которую предложили в обмен на реликвию римлян. Рука Ливии Терции едва не касалась верхнего бочонка, и дрожала – словно вокруг была не обычная серость и хмарь; словно налетел свирепый заряд ветра, принесшего с собой холодные белые крупинки.

Лицо Ливии было еще бледнее; на нем зловеще чернели сухие сейчас, потрескавшиеся одномоментно губы, не перестающие шептать:

– Там Зло… Зло… Зло…

Легат не стал церемониться; Борис внутри буквально взвыл: «Она же сейчас упадет! Эти бочонки пьют из нее жизнь!». Марк подхватил легкое тело супруги на плечо, и буквально побежал в крепость, в свой дом, стенами которого он надеялся оградить свою любовь от любого Зла. Оказалось, что оно не вездесуще. Уже через несколько прыжков легат ощутил, как женское

тело на плече тяжелеет; словно вместе с жизненной силой в Ливию вливаются и вполне плотские килограммы. А уже за воротами крепости Ливия достаточно твердым голосом попросила: «Отпусти меня».

– Сейчас, милая, – Марк Туллий лишь крепче прижал к себе родное тело, в котором он помнил каждый изгиб, каждую клеточку, и взбежал с этим таким бесценным грузом на крепостную стену.

Он отпустил Ливию на то самое место, где они круг назад наблюдали за живым диском из безжалостных кровососов. Позади остановились, шумно переводя дыхание, консул с женой, Теренцией. И, конечно же, незаменимый прокуратор, которому легат кивнул: «Пусть трубы возвестят об окончании торга!». Это был самый короткий, и самый необычный торг на памяти Марка. А еще этот круг был необычным тем, что Ливия Терция впервые за их долгую, вполне счастливую жизнь, в третий раз выкрикнула свое: «Ах!». Теперь ее пальчик показывал в то место, где недавно грудились бочонки…

– С «живой» и «мертвой» водой, – подсказал Борис.

Теперь бочонков не было. Ни одного. И это означало одно – все то зло, что таилось в емкостях с «мертвой» водой, будет разнесено по болотам. А потом – вернется сюда, в крепость; вместе с ордами дикарей. Которые пока не покинули утоптанный пятачок торга. После того, как мощно и повелительно взревели римские трубы.

Легат знал, чего ждут дикари. Песни. Великого чуда, которым одаривала и их, и своих сородичей Теренция Квинтилла. Лишь четверо здесь, включая саму супругу консула, знали, что в такой миг в женском теле просыпается ее вторая ипостась, Ира Жадова, чей колдовской дар не уступал целительскому волшебству Светы Левиной. В груди Марка вдруг разгорелся злой костер:

– Не много ли хотите, болотники? На этот раз вы уйдете в болота, не прикоснувшись к волшебству римского пения…

– Марк, – коснулась его плеча супруга, явно догадавшаяся о его намерениях, – не делай этого. Пусть дикари унесут в свои болота не только зло, что принес сюда посланник Вождя, но и малую толику добра. Может, эта толика как раз и перевесит – когда кто-то там (она подняла голову к темному небу) будет решать, быть ли мирозданию, или…

– Хорошо, – кивнул легат, – Теренция – твой выход.

Супруга консула остановилась на том самом месте, где недавно легат остановил Ливию, едва не шагнувшую в пропасть. И задумалась, явно выбирая песнь, подобающую такому необычному завершению торга. А потом открыла рот, чтобы излить на окрестности слова, которыми очень редко одаривала даже сородичей.

– Аве, Мария! – разнеслось над окрестностями, и дикари все, как один, рухнули на колени.

– Нет, не все! – отметил Марк Туллий.

Наслаждаться божественной песней ему мешала торчащая, словно столб, фигура Марко – посланника Вождя, убивающего взглядом. И легат, слушая последние слова песни, послал ему мысленный наказ, вспомнив любимую присказку Бориса Левина:

– Иди, дикарь! Иди, и передай своему Вождю: «Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет!».

Эти слова словно сломали, наконец, невидимый стержень, державший спину Марко ровной. Он тоже склонил колени перед волшебством, творимой Ирой Жадовой.

Глава 2. Вождь. Рожденный повелевать

Из поколения в поколение, от извечных времен вождем в болотных племенах выбирали самого сильного, самого умелого охотника. Или торговца – как в племени, владевшей тайной волшебного сока. Это действительно было тайной, тщательно оберегаемой племенем. Ибо – лишись эта кучка оборванных, носивших грязные шкуры дикарей своего единственного источника дохода, и судьба их была бы предрешена. В этом жестоком мире, ограниченном непроходимыми топями, места жалости не было даже внутри племени. Что уж говорить о конкурентах, которые смяли бы племя в один круг. Убили бы без жалости ради тайны зарослей трав, дающих жизненно необходимый сок.

– Или съели бы, – усмехнулся Вождь, убивающий взглядом, вспомнив другого вождя – того, что с гордостью носил единственный клочок меха на себе – в самом уязвимом месте, в паху, – говорят, что они считают человечину деликатесом… будут вам деликатесы – изысканные, римские.

Вождь знал много таких непонятных остальным словечек; часто пользовался ими, вызывая растерянность в перемазанных илом лицах. Когда-то, в детстве и юности, его называли по-простому – Джонсоном. Тогда он держал язык за зубами, и даже не мечтал, чтобы возглавить племя. А потом что-то произошло; он сам не понял что. Только проснулся в уверенности, что отныне мир должен принадлежать ему. Причем, весь мир – и кучка грязных оборванцев, и болота, и даже… римская провинция. Вся! С гордыми высокородными, склонившими спины и головы перед ним, могучим Вождем; особенно женщины – мягкие, чистые, пахнувшие приятно и волнующе. Во снах Джонсон грубо мял руками такую податливую женскую плоть. Лица были иными – не римскими, по большей части какими-то узкоглазыми и покорными. А сам Вождь в тех снах был сильным, могучим; от него резко пахло металлом, и еще смертоносным «порохом». Значения последнего слова он не знал. Не знал и другого, еще более будоражившего кровь – «Америка». Это слово обычно всплывало в памяти в сочетании с другими: «Америка превыше всего!». И еще – «капитан Америка»; последнее он почему-то примерял к собственной персоне; так же, как не такое пафосное «капитан Джонсон».

В первый раз он назвал себя так в тот круг, когда старый вождь осел под его взглядом на глиняный пол землянки. Эта землянка была на единственном холмике в крохотной деревушке племени; полы в ней никогда не заливало бурой болотной жижей. Вот по нему и топал ногами старик, когда Джонсон нагло потребовал от него передать власть, и главный секрет племени. Этот секрет – технологию производства сока (еще несколько непонятных слов) – вожди передавали от отца к сыну. Но у этого старика уже не было сына; того несчастного, что пузырил сейчас слюнями в своей землянке, нельзя было назвать ни сыном, ни вообще человеком.

– Но об этом, старик, – усмехнулся Джонсон, удивляясь собственной «человечности», – ты уже не узнаешь.

Могучий телом и духом старый вождь корчился на полу от единственного долгого взгляда «капитана Америки». Этим взглядом Джонсон словно выпил жизненную силу вождя.

– И еще, – понял он, – все твои тайны теперь – мои. Включая главную.

Он расхохотался – никакой тайны на самом деле не было. Бесчисленные снопы трав, что собирали подданные уже мертвого вождя, были обманкой, призванной отвести глаза любопытствующих. А тайной была лишь одна травка – которая в изобилии росла на каждой кочке болот. Нужно было лишь особым способом обработать ее. И все!…

Все это Джонсон вспоминал, стряхнув с себя образ римской крепости. И женщины, поющей на краю ее стены. Он по слогам произнес имя – Те-рен-ция Квин-тил-ла.

– Ты будешь петь для меня, – решил он, – а потом…

Пальцы сами собой начали сжиматься в кулаки – словно уже мяли податливое женское тело. А перед глазами вставала другая картинка: та же стена, но с нее к племенам – ко всем, без исключения – обращается уже Верховный Вождь. Он, Джонсон, «капитан Америка»! Вот над этим Вождь сейчас и работал. Он уже разослал гонцов к вождям пяти племен, которые сплошным кольцом окружали земли римской провинции. Ради этих родовых болот когда-то, на заре времен, велись кровопролитные схватки. С тех пор много воды пролилось с небес на болота. Границы были четко зафиксированы в памяти – каждая кочка, каждый клочок относительно сухой поверхности. Вождь на сходке, которую созывал впервые за множество кругов, готов был предложить племенам новый расклад – с учетом римских владений.

– Нет, не так! – поправил он себя, – не предложу, а просто поставлю перед фактом. Тем фактом, что отныне в мире будет один Вождь. И что особо приближенные к нему люди не будут больше нуждаться ни в чем. Что жить они будут в сухих помещениях крепости; что в слугах у них будут сами римляне, и что мягкие постели будут греть сладкие римские женщины… ну, или мужчины.

Вождь хищно улыбнулся – вспомнил, что два племени издревле подчиняются вождям-женщинам – как бы чудовищно это не звучало. Он представил одну из них перед собой – Викторию, белобрысую дылду с высокомерным лицом, в которой все было острым – и нос, и скулы, и ключицы с локтями, торчащие из шкур какого-то редкого животного. А самым острым был взгляд – колючий и проникающий до самой печенки. Но сейчас – как был уверен Джонсон – этот взгляд был наполнен жаждой подчинения; единственной страстью – припасть к ногам своего господина.

– Если, конечно, она выпила сок, напоенный моей силой; моим заклятием. Так же, как и вторая, ловко скрывающая свое положение в племени фигурой своего мужа.

Зинана – так звали эту женщину. Она действительно вертела, как хотела, и собственным мужем, и всем племенем – самым многочисленным в болотах. Она тоже была наделена силой, позволявшей ей вот уже много кругов верховодить в племени. И эта «красотка» тоже могла заподозрить неладное в щедром даре Джонсона. С торгов представители пяти племен уходили в свои болота не только впечатленными пением римлянки. Они еще везли бочонки с соком, раскупленные по смехотворной мене; настолько смехотворной, что большую часть товаров они тоже несли назад, домой.

Вождь продолжил перечислять будущих соратников; вернее, послушных исполнителей.

– Дикарь с меховой трубкой, и другими трубками – посредством которых его чумазые сородичи убивают самых страшных болотных зверей; Вождь, владеющий зарослями, чьи листья уносят в мир грез. И последний – огромный Вождь Дену, чьи подданные чуть ли не вдвое мельче своего представителя, а нравом и повадками превосходят в дикости даже болотников с трубками. Итого пять. Я шестой… точнее – первый. Ну, и римляне – хранящие седьмой Камень. Скоро, совсем скоро все семь Камней будут у меня, и тогда…

Что будет тогда, Джонсон не знал. Но чувствовал – прежде всего, своей колдовской сутью – что обладание этими камнями жизненно необходимо. Ему персонально.

– Потому что это будет главным аргументом на тот случай, если в мои замыслы вмешается тот, которого все называют Избавителем. Мне лично никакое избавление не нужно. Я сам избавлю всех – от своеволия, от нажитых богатств. Понадобится – от жизни. Но как быть с теми словами, от которых я, «капитан Америка», просыпаюсь по ночам и вскакиваю в холодном липком поту. От непонятных и страшных слов: «Русские идут!».

Он действительно подпрыгнул в неподдельном ужасе, потому что кто-то просунул голову в дверцу землянки, и прошептал, почти испуганно:

– Идут!

– Кто? – зашипел Джонсон на своего ближайшего помощника, на Марко да Гама, – кто идет?!

– Соседи, – пролепетал перепуганный до полусмерти помощник, – болотники с трубками.

– Много их? – отпустил шкуру помощника Вождь.

– Наверное, все племя явилось, – Марко рухнул на колени, и отвечал уже снизу, не смея поднимать голову.

Вождь знал, почему и Марко, и все остальные в племени, общаются с ним исключительно так – опустив глаза к глиняному полу. Он предполагал, что и сам бы содрогнулся, если бы заглянул в собственные глаза. Однако вещицы с непонятным и пугающим названием «зеркало» в племени не было. А знание об этом удивительном предмете было; еще большим было желание обладать и этим артефактом, и остальными – всем, что могло храниться в римской крепости. Оно название – «римский» – заставило Вождя заскрежетать зубами, и Марко в страхе распростерся на полу уже полностью. И тут же был вздернут не крупной, но такой сильной рукой Джонсона на ноги.

– Иди, – подтолкнул Вождь помощника в спину, – зови… «гостей». Точнее, одного гостя.

– С меховой трубкой, – догадался Марко, – вождя?

– Его, – кивнул Джонсон, – а остальных… остальным вели налить огненной воды.

«Огненная вода» – это был еще один секрет племени; не самый главный, скорее побочный. Эта горючая жидкость была отходами производства сока. Она действительно горела слабым синим пламенем; жарче она «горела» внутри тела. А еще эта вода заставляла душу веселиться, ноги – самим пускаться в пляс, а тело свершать всякие непотребства. За что потом и душу, и тело наказывали – в круге племени.

Марко выражать своего изумления не стал. Он поспешил на выход, чтобы исполнить повеление Вождя. Иначе поступить он не мог – разве что, покончив с жизнью. А вместо него в землянку вступил соседний вождь – низкорослый, дурно пахнувший, гордо выпятивший вперед свое главное украшение. Эта меховая трубка, скрывавшая внутри главное «достоинство» дикаря, служила в других племенах предметом нескончаемых усмешек. В главном сходились все – вождь людоедов потому и скрывает мужскую гордость внутри внушительной размерами и весом трубки, что гордиться там особо нечему. Джонсон чуть непроизвольно не отдал вместо приветствия приказ: «А ну-ка, сними! Покажи, что ты там прячешь?!». Но сдержался, понял по вспыхнувшему навстречу ему дикой злобностью взгляду дикаря, что этот вождь «заряженный» колдовской силой сок попробовать не решился. Или отверг его сознательно.

– Точнее – бессознательно, – поправил себя капитан Джонсон, раздвигая губы в приветственной улыбке, – единственно, подчиняясь природному чутью. Оно у дикарей неплохо развито.

Себя Джонсон к дикарям не причислял – что бы об этом не думали гордые римляне.

– Садись, – радушно махнул он рукой в сторону крепко сбитого стола, – сейчас принесут «огненную воду».

Дикарь шумно задышал; его приплюснутые широкие ноздри зашевелились – словно землянку Вождя уже заполнил резкий запах «огневки».

– Может, лучше моего порошка попробуем? – оба вождя резко повернулись к двери, в которой стоял очередной гость – предводитель племени, владевшего зарослями растения, которое оно само называло кокой.

Этот вождь действительно поднял перед собой какой-то мех, в котором – не сомневался капитан – действительно хранился белый порошок, дарующий неземное блаженство, а потом долгую, непреходящую боль в голове и ломоту в суставах, сравнимую с той, на которую жаловались все без исключения старики болотных племен.

Джонсон пробовал дышать этой гадостью; оценил ее силу и коварство. Теперь же безразлично кивнул, не собираясь даже притрагиваться к этой отраве:

– Обязательно попробуем. Вот соберемся все, и попробуем.

Главным для него сейчас было заглянуть в глаза вновь прибывшего, который гордо называл себя Колумбийским Бароном. Заглянул. И убедился, что Барон тоже не решился опробовать «подарок» Джонсона. Этого гостя Вождь пока записал себе в пассив.

– Который, – подумал он, отступая на шаг, чтобы Барон мог пройти к столу, – можно будет превратить в актив, побив козырной картой.

Он входил во вкус владения и использования непонятными словами, которые словно сами рождались в его голове. За всем этим стояло что-то громадное, и пугающее – будто очередное слово могло сдвинуть какую-то лавину в памяти, которая погребла бы Вождя под собой; заставила бы задохнуться его сознание в болоте непознанного.

Стол, кстати, был основательно приготовлен к встрече. На нем не было пока огневки, но все остальное – главным образом мясо, во всех возможных способах и стадиях приготовления. В один из таких кусков – запеченную в углях ляжку болотного кабана – уже впился крепкими зубами дикарь, одетый в меховую трубку. Его весело и безумно сверкнувшие глаза словно выговаривали хозяину землянки:

– Зачем надо было портить мясо огнем?

Барон садиться за стол пока не стал. Вместе с Джонсоном он повернулся к очередному гостью; точнее гостям – Зинана прибыла на встречу со своим супругом, имя которого звучало вовсе невообразимо – Арчелия. Эти гости дали хозяину крошечный повод порадоваться. Сама Зинана, чей внешне кроткий взгляд царапнул душу Джонсона, тоже не решилась поучаствовать в эксперименте, поставленном Вождем. А вот своего спутника соком напоила. Потому он и уставился на Вождя с улыбкой, выражавшей готовность выполнить любое его повеление. Да хотя бы свернуть шею своей супруге, с которой он прожил множество кругов.

– Это не показатель, – усмехнулся внутри себя Джонсон, – может ты и без сока хотел бы совершить такую процедуру. Освободить, так сказать, землю, от вместилища вселенского Зла.

О том, что в нем самом Зла не меньше, а может, и много больше, чем в женщине, сейчас с показным радушием рассматривающей роскошное (как прежде казалось Вождю) жилище, и таких разных личностей, что уже собрались в ней, он не думал.

– Зло – это ведь для других, – решил для себя он уже давно, – а все, что делается на благо себя, любимого и единственного – Благо и есть. Какие бы потоки крови и немыслимые страдания это Благо не сопровождали.

Зинана чему-то кивнула, улыбнулась, и вдруг… запела. Не так божественно, конечно, как римлянка на стене крепости, но вполне приятно для слуха.

– «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!», – пропела она, и рассмеялась.

Ее смех прозвучал в мрачной землянке, освещаемой немилосердно чадящими светильниками очень неестественно.

– Что это? – воскликнули в один голос два вождя – Джонсон с Бароном.

А дикарь за столом даже перестал жевать – словно подавился особо крупным куском.

– Песенка такая, – пожала плечами Зинана, улыбнувшись сразу всем – кроме мужа, который тоже улыбался, глупо и жалко – за ее спиной, – издревле… русская.

Джонсон едва подавил крик, рвавшийся из груди:

– Уже? Идут?!

И тут же развернулся в прыжке к двери, радуясь так удачно подвернувшейся возможности скрыть и от Зинаны, и от остальных собственную панику. В двери, низко пригнувшись, входил еще один вождь.

– Не русский, – перевел дух капитан, кивая огромной фигуре, которая так и не распрямилась, чтобы не ткнуться макушкой в низкий потолок землянки, – Дену.

Этот вождь, как знали все, не отличался многословием. Вот и сейчас он, не говоря ни слова, шагнул к столу, и плюхнулся всем весом на скамью, которая едва не развалилась. И только потом улыбнулся – скорее всего, потому, что его темя ни во что не упиралась. Дену

тоже оценил богатое угощение на столе; схватил было кусок размерами не меньший, что продолжил жадно обгладывать дикарь с трубкой. Но не донес его до широко раскрытого рта – когда его взгляд поймал Джонсон.

– Этот – мой, – искренне обрадовался Вождь, милостиво кивая Дену, и тем самым разрешая ему приступить к трапезе.

Огромный дикарь тут же принялся перемалывать мясо (может, вместе с костями) крепкими зубами, а Джонсон успел поймать взгляды, которыми обменялись Барон с Зинаной.

– Понятно, – читалось в этих взглядах, – ты, «уважаемый хозяин», готов всех нас подчинить своей воле. Но мы-то… не все! И не таких ломали.

– Таких вы еще не видели, – так же мысленно ответил им Джонсон, поворачиваясь к очередному, и последнему гостю.

И еще раз Вождь поправил себя: «Гостья, Виктория!».

Виктория тоже прибыла не одна. И тоже – как и Зинана – привела с собой на невидимом поводке бессмысленно глядевшего перед собой «бычка». Именно так обозвал Джонсон ее спутника – кряжистого черноволосого здоровяка, который встрепенулся лишь тогда, когда его равнодушный взгляд поймал капитан.

– Еще один, – чуть порадовался Джонсон, не скрывая от себя разочарования.

Он надеялся, что на этой встрече подавляющее большинство гостей будет готово подчиниться его воле. Пока же расклад был не в его пользу. Разве что огромная фигура Дену радовала глаз и своей мощью, и той осязаемой почти физически гранью, которая отделяла его расслабленность, его мерно жующие челюсти от мгновенного взрыва ярости, с которой дикарь рвал бы этими челюстями другую плоть – живую, человеческую. После команды Джонсона, конечно.

– Но этого не хватит, – оглядел предполагаемое поле битвы капитан, – если иметь в виду, что главными в ней могут стать не железные мускулы и крепкие зубы, а человеческая… вернее, нечеловеческая воля, и колдовские чары, которыми владели…, – ну, эти-то ведьмы точно владеют.

Две женщины улыбнулись хозяину землянки. Улыбнулись вполне дружелюбно, но Джонсон успел прочесть в их глазах: «Не тебе, мальчик, состязаться с нами в тайном искусстве!». Он действительно был юнцом рядом с этими перезревшими красотками. Но у него были та самая козырная карта. И предложение, от которого – он надеялся – никто не сможет отказаться.

– Прошу, – махнул он в сторону стола, и даже чуть склонил голову; как надеялся – в последний раз в жизни.

Женщины уселись за столом, гордо выпрямив спины, и вызвав их глубин память Вождя еще одно новое слово: «Королевы!». Но одна из королев тут же сломала осанку, и жадно протянула руки к мешочку, что водрузил на столешницу Барон, сдвинувший в сторону грубые миски с угощением. Еще недавно сам Джонсон считал посуду, в которой женщины племени приносили ему еду, вполне пристойной; даже роскошной по сравнению с теми лоханками, из которых хлебали его сородичи. Теперь же он видел внутренним взором какие-то сказочные картинки; может те, что ждали его в римском замке?

Виктория явно успела пристраститься к порошку Барона. Трясущимися пальцами она отсыпала из любезно подвинутого к ней мешка длинную полосу белой дряни, и шумно всосала ее в себя – ноздрей длинного крючковатого носа, прямо со столешницы. То обстоятельство, что жидкие белесые пряди волос при этом окунулись в миску, в жир, в котором плавало мясо еще одного болотного зверя, ничуть не смутило ее. Викторию ближайшую половину круга вообще ничего больше не интересовало. Прежде – как понял капитан – всю полноту власти в племени на это время брал на свои широкие плечи ее спутник – Джентале.

– А теперь – я, – хищно ощерился Джонсон, уже не скрывая своей радости.

А потом он свершил небывалое – достал из потайного кармашка своей меховой одежки, и осторожно положил на столешницу, на свободное место перед собой, величайшую реликвию

племени. Камень. Он брызнул лучами во все, даже самые темные уголки землянки. И заставил всех за столом охнуть от изумления и мистического ужаса. Даже Викторию, в которой древние силы на какое-то мгновение возобладали над коварством порошка. А Дикарь напротив даже бросил на пол почти обглоданную кость, и грубо выругался. На непонятном для капитана языке. Еще и водрузил на столешницу, едва не достав до Камня, свой меховой «наряд». Джонсона едва не передернуло от омерзения. Потому что он понял – именно в этом пенале, рядом с вонючим дикарским отростком хранится один из Камней. Другого тайного места в теле дикого вождя капитан просто не видел.

Зинана восхищенно воскликнула, заставив душу капитана опять сжаться в неясном предчувствии краха:

– Ну, ты даешь, мужик! Где это ты так научился ругаться на русском языке?

Черное нутро Джонсона взвыло, как дикая болотная собака, но внешне он остался совершенно невозмутимым. Его планам на сегодняшний круг не мог помешать никто – даже неведомые русские.

– Я хочу собрать все Камни, – провозгласил он совсем не торжественно.

– Зачем?! – тут же откликнулась Зинана.

– Я сказал – все! Камни! – теперь уже с нажимом на последнем слове повторил Вождь.

– Так тебе римляне и отдадут свой Камень, – проворчал рядом Барон, – даже если представить себе невероятное – что мы отдадим тебе свои.

– Не мне, – поправил его капитан, – нам всем. И мы все вместе заставим отдать реликвию римлян.

– Зачем? – повторила Зинана, – даже я… даже я не знаю, зачем нужны эти Камни; какими силами они управляют.

– Это предлог, – как-то устало, словно повторил уже пару дюжин раз, начал объяснять Вождь, – предлог напасть на римлян.

– Напасть?! – теперь ужаснулись сразу несколько вождей.

Вскочила на ноги, и обрушилась с проклятьями на голову Джонсона все та же Зинана:

– Но это же разбудит древнее Проклятье! Это погубит все племена, ибо сказано в Заветах: «Да не подними руку на ближнего своего!».

– А мы и не поднимем, – усмехнулся Вождь в полной уверенности, что все вокруг; даже впавшая в забытье Виктория, не меньше его самого ненавидят заносчивых римлян, и жаждут урвать кусочек от их богатств, – это римляне окажутся виновными перед Заветами – когда откажутся соединить свой камень с остальными. Потому что тем самым они откажут нам в помощи перед новым Проклятием.

– Новым Проклятием?! – теперь вскочили все.

– Пойдемте, покажу, – Вождь махнул рукой так же устало, и первым направился к выходу.

За ним тут же шагнул Дену, не выпустивший из огромной ладони полуобглоданный мосол. Следом спешили двое спутников вождей, для которых счастьем было выполнить первую команду обретенного кумира. Ну, и остальные…

– С надеждой, – усмехнулся капитан, выходя под мелко сеющий дождик с непокрытой головой, – что я действительно найду возможность обойти Заветы. И еще большей уверенностью в том, что такого неумеху, как я, эти опытные вожди обойдут на повороте – когда придет время делить добро римлян. А может – и оставят меня; на том самом повороте. Утопив в самой глубокой топи.

Перед его землянкой тем временем уже успели скучковаться шесть племен. Несмотря на «огненную воду», которой сегодня щедро угощали хозяева, все были непривычно молчаливы, и даже испуганны. Видимо, ожидание какого-то чуда, бесконечно злого и неотвратимого, действительно витало в напитанном влагой и болотными испарениями воздухе. Вождь почти

зримо ощущал давление дюжин взглядов, обращенных на него. Большей частью эти взгляды липли к его телу и душе обожанием, и готовностью выполнить любой, самый нелепый приказ.

– Да хоть покончить с жизнью, – довольно кивнул капитан Джонсон, – своей, или чужой. Кроме… вот этих.

Он повернулся к небольшой группе болотников, которую успела возглавить Зинана. Бледное лицо ее мужа, Арчелия, не маячило за ее плечами. Теперь у этого дикаря не было жены, и соплеменников; Был только господин, который грозно хмурил брови. А хмурил их Вождь потому, что понял – никому из соплеменников, кроме собственного мужа, Зинана не дала отхлебнуть сока из помеченного колдовством бочонка.

– Ну, что ж, – разгладил и брови, и все лицо капитан, – ты сама выбрала свою судьбу.

Он теперь мысленно обращался к тем, кто тоже следили за каждым его движением, но пока оставались невидимыми. Бесчисленные мошки, прятавшиеся под мокрыми сучками, листьями, и еще чем-то неведомым, но совершенно не существенным, ждали его команды. И она последовала – мысленная, но непререкаемая. Зинана впереди вздрогнула; даже раньше, чем к темному небу взмыла туча гнуса. А Вождь решил немного потянуть время; дать новым подданным насладиться зрелищем. Гнус опять – как над крепостью – размазался тонким слоем; закружил над землянками с такой скоростью, что даже их повелитель, капитан Джонсон, не мог теперь различить этих кровососов по отдельности. В сущности, это и был сейчас единый организм, готовый обрушиться на того, на кого покажет палец капитана. Или на тех. Палец показал на невеликое племя Зинаны.

Гнус, обычно возвещавший о своем появлении (считай – нападении) гулом бесчисленного количества крылышек, сейчас пронзительно запищал; впервые на памяти болотных племен. И неудивительно – ведь и Зинана, и ее люди были надежно защищены соком, который был растворен в крови болотников. Всех, присутствующих здесь. Но только на малое племя обрушилась туча. Обрушилась, чтобы убивать и умирать. Этот сок, безобидный для всех, кроме гнуса, убивал тварей за доли мгновения. Но этого хватало, чтобы глоток крови – крошечный, потеря которого ничем не грозила жертве – оказывалась в хоботке гнуса, и дальше – во внутренностях. Тела несчастных болотников стали черными от облепивших их тварей. Гнус отваливался дюжинами дюжин от людей, в которых сейчас невозможно было опознать никого – даже их предводительницу Зинану. Люди корчились и кричали – что-то совершенно непонятное. Единственное, что успел распознать Джонсон в этом слитном вое, это короткий выброс силы в слове, которое исторгло горло умирающей Зинаны: «Проклинаю!». Но от этого проклятья он отмахнулся – кого могут испугать слова колдуньи, не справившейся с какими-то мошками. А когда остатки тучи растворились в корявом болотном лесу, на мокрой траве лежали сухие тела, в которых опознавать кого-то было бесполезно. Этим усохшим, и легким мумиям был один путь – в погребальную топь племени – туда, где ничто не держалось на темной поверхности.

Кто-то за спиной Вождя горестно вздохнул. Это не было сожалением по загубленным за короткие мгновенья человеческим жизням. Это вздыхал дикий вождь, и капитан перевел этот вздох на человеческий язык:

– Сколько вкусного мяса пропало!

Джонсон медленно повернулся к четырем вождям, и благосклонно кивнул дикарю. Потому что тот лучше остальных был наделен природным чутьем, которое вовремя подсказало: «Покорись!». С подобострастной улыбкой на лице, которое наполовину было покрыто свежими потеками жира от недавнего угощения, дикарь протягивал ему, будущему повелителю мира, два артефакта – Камень своего племени, и меховую трубку. Капитан невольно остановился взглядом на мужском отростке; решил, что до Камня на дне убежища тот никак не мог достать, и уже без всякой брезгливости взял в руки артефакт. За другим бросился Арчелия, поняв повеление по легкому кивку головы господина. А остальные вожди, кроме Дену, конечно же, голов

пока не склоняли. Барон первым, стараясь не встречаться взглядом с капитаном, повернулся к открытой двери землянки.

– Куда?! – хотелось вскричать Джонсону, – не хочешь на своей шкуре испытать силу моего войска?

Но он сдержался… пока сдержался. Потому что хотел увидеть растерянность и ужас римлян – когда перед крепостью выстроятся грозной ратью все племена.

– Куда-куда? – проворчала за спиной Виктория, с которой от ужаса бойни, учиненной гнусом, слетел весь наркотический дурман, – торговаться. Делить шкуру еще не убитого болотного медведя.

Глава 3. Консул Лентулл Батиат, он же Спартак. Битва, которая не состоялась

Они снова стояли на стене, и снова разглядывали болотников, толпившихся внизу. Только вместо товаров болотники принесли с собой оружие. Самое разное – от корявых дубин до вполне приемлемых мечей и луков. Последними, как предполагал Лентулл, болотники вполне успешно били грозных зверей, мясом которых кормились, а шкуры приносили сюда, на торг. Но что это оружие могло противопоставить силе и организованности легиона, который сейчас выстроился против толпы дикарей?

В этом едином военном механизме была дюжина дюжин живых деталей, каждая из которых знала свой маневр. А вместе они могли сразить все и всех; не только жалких дикарей. Пусть даже последних было впятеро больше. Еще – знал Спартак – из ближних и дальних кустов за местом предполагаемой битвы внимательно наблюдали дюжины его разведчиков. Этим опытным следопытам и непревзойденным бойцам, каждый их которых был сам себе легионом, консул Лентулл Батиат лично ставил задачу. Как только кто-то из грязных болотников пустит стрелу в сторону крепости (пусть не прицельно; пусть она упадет в дюжине стандартных шагов от стрелявшего!), эти грозные воины должны были ответить ударом на удар. В первую очередь по вождям. И проклятие Заветов – нерушимых правил, издревле почитаемых всеми племенами, и римлянами в том числе – тогда не падет на головы разведчиков.

– В крайнем случае, – Лентулл на инструктаже сурово оглядел строй бойцов, – всю ответственность я беру на себя. А дикарей, особенно их вождей, не жалейте. Потому что они уже нарушили Заветы.

Об этом ему сообщил один из разведчиков – Холодов – который тоже стоял в строю. О жуткой церемонии казни целого племени высокородные решили никому не рассказывать. Об этой тайне знали только они, и Холодов. А расскажи об этом всем… неизвестно, горели бы сейчас решимостью глаза защитников крепости – и легионеров, преграждавших сталью и своими телами единственную дорогу, ведущую к закрытым воротам, и всех других римлян, которые готовы были вступить в схватку на высоких стенах. Но в своих разведчиках консул не сомневался.

Его вниманием легким прикосновением руки к плечу завладела самая прекрасная женщина во всем мире – его Теренция, которую дома, наедине, Спартак ласково называл Иришкой.

– Чего они тянут, муж мой? И зачем вообще собрались тут, под стенами крепости? Разве мы дали какой-то повод для вражды?

– Мы дали повод для зависти, – ответил за консула друг, легат Марк Туллий, – а эта штука жжет душу гораздо сильнее, чем самая горячая ненависть.

– Но разве так не было заведено изначально? Разве наши предки отобрали все это у предков болотников? – вступившая в разговор жена легата Ливия обвела широким жестом руки и крепость, и поля с перелесками, которые прятались от болот этой каменной громадиной, – и разве не сама судьба распорядилась вот так… нам жить, храня традиции в единственном сухом клочке мироздания, а им (точеная рука протянулась вниз, вызвав какое-то шевеление в нестройных рядах дикарей) жить в болотах. Из круга в круг.

– Это так, – кивнул рядом легат, – но объясни это им!

Его рука тоже протянулась вперед и вниз, и, словно повинуясь этому жесту, впереди толпы болотников оказался их предводитель.

– Ах! – вскликнула Ливия, вызвав мимолетную гримасу неудовольствия у Марка Туллия.

Консул друга понял. Слишком часто в последнее время выражала вот так свое отчаяние высокородная римлянка. А ведь за каждым словом, за каждым движением двух пар, наделен-

ных в провинции всей полнотой власти, следили сейчас дюжины дюжин внимательных глаз – и римских, и чужих. Марк Туллий загородил своей широкой спиной жену, и крикнул – в полной уверенности, что ветер донесет его слова до Вождя, убивающего взглядом. Именно этот дикарь противостоял сейчас всей римской провинции. Спартак тоже был уверен в мощи голоса друга. А еще – в удивительной акустике этого места. Не раз, и не два – бесчисленное количество развелись такие вот переговоры с дикарями.

– Но никогда, – с горечью вдруг подумал Лентулл, чье огромное, накачанное мускулами тело было наполнено боевым духом, – это не были переговоры о войне и мире. Об условиях капитуляции… Что?!!

– Что?!! – взревел рядом с ним в полный голос легат, на вопрос которого: «Что нужно здесь тебе, и твоему племени, Вождь?», – последний ответил, коротко и страшно:

– Капитуляции. Ты открываешь ворота, римлянин, и сдаешься на милость победителя.

Вождь не добавил положенного «высокорожденный»; да этого и не требовалось – учитывая нелепость и гнусность высказанных внизу слов. Легион грозно зарокотал в своих стальных одеждах. Со стены крепости раздался пронзительный свист – это кто-то из мальчишек не выдержал, и вмешался в переговоры. А остроглазый Лентулл разглядел, как в нескольких местах шевельнулись кусты – это его разведчики словно вопрошали: «Начинать?».

Совсем скоро консул пожалел, что не махнул рукой, не позволил своим бойцам начать кровавую бойню. А пока же он, как и все вокруг, задрали головы к небу – там зародился, и начал раскручиваться сплошной круг гнуса. В этот круг вливались и вливались новые твари; он рос, набухал с угрожающей скоростью. В какой-то момент консулу показалось, что эта туча не удержит собственного веса, рухнет вниз – прежде всего на город, и погребет римлян не собственной кровожадностью, но лишь огромной массой. Ливия, да и Теренция рядом, прикрыли ладошками рты – чтобы еще одно «Ах» не смутило души защитников крепости.

Только два человека в мире сейчас были абсолютно невозмутимыми (по крайней мере, внешне) – Вождь дикарей, и легат Марк Туллий.

– Чего вы еще хотите? – вполне равнодушно спросил легат.

– Камень! Ваш Камень, – дикарь сунул руку в глубины своего мехового одеяния, и вытащил оттуда один за другим шесть Камней.

Это было невероятно! Вожди, и римский в том числе, скорее дали бы отрубить себе руку, или даже голову, чем отдали бы реликвию предков. Но вот он, Вождь, стоял и играл Камнями, как обычными булыжниками. И еще пояснял – тоже вполне буднично:

– Камни нужны не мне. Они нужны всем. Ибо только с их помощью я могу остановить ярость гнуса. Вот этого, – он ткнул пальцем в небо, умудрившись при этом не уронить ни одной реликвии, – но силы мои не беспредельны, а гнус все прибывает, и прибывает. И если ярость этой тучи (он опять ткнул в небо, и опять ни один Камень не упал на мокрую траву) пересилит чары шести Камней, то… что ж (теперь он пожал плечами) – смерть людей будет на твоей совести, римлянин.

Ни один мускул не дрогнул в лице Марка Туллий; его рука не дернулась к груди, где, как знал Лентулл, в потайном кармашке хранилась реликвия. Хотя в душе легата что-то дрогнуло. Это мог распознать разве что самый близкий друг; или самая близкая женщина. Консул шагнул вперед, соединив свое крепкое плечо с плечом друга. С другой стороны к телу мужа прильнула Ливия. А позади так же решительно засопела Терентия. Так, вчетвером, они решительно покачали головой, выдохнув слитное: «Нет!».

– Ну, как хотите.

Вождь, казалось, сейчас говорил сам с собой – так негромко он вещал себе под нос. Но римляне на стене слышали каждое его слово; и высокородные, и все остальные.

– Силы мои не беспредельны, – казалось, печально покачал головой Вождь, – смотрите!

Туча распалась на куски, и обрушилась вниз. Распалась ровно на две дюжины смертоносных обломков – это на стене знал только консул. Ведь именно столько разведчиков ждали его команды в кустах, и именно на них упали живые груды гнуса. Сердце Лентулла замерло – даже со знанием того, что в жилах его людей течет сок болот; что им не страшны укусы тварей. И тут же он схватился за уши – как и многие вокруг. Чтобы не слышать пронзительного писка тварей, и еще более страшных воплей разведчиков. Он верил; он знал, что это не его бойцы вопят в страшных муках, что человеческая плоть реагирует так на немыслимые страдания помимо воли. Подтверждением тому стала невероятная картинка – из катающихся по траве бесформенных тел, облепленных гнусом в несколько слоев, вылетело несколько арбалетных болтов. И они нашли свои жертвы в плотной толпе дикарей. Теперь крики боли раздавались и в рядах врага.

– Очень мало криков, и очень мало крови! – кровожадно, и с великой печалью подумал Лентулл, который только что лишился своего войска – лучших из лучших, кого только можно было представить…

Его запястье сжала ладошка Теренции, Ирины. Супруга молча переживала с ним; скорее всего, оплакивала сейчас в душе сородичей самой печальной песнью, какую только смогла извлечь из своей богатой памяти. Спартак нашел в себе силы подумать и об этом – об удивительных словах, которыми часто делилась с ним Ирина. Смысл этих слов большей частью был непонятен ни Спартаку, ни самой певице (это он так предполагал). Но это было не главным. Их силу передавала мелодия – печальная, какая сейчас наверняка звучала в душе любимой женщины; озорная – в мгновения общей радости; торжественная, зовущая в бой. Последняя, как уверился сейчас консул, этим кругом еще прозвучит. Он ухватился душе за эту мысль, загоняя в самые глубины и печаль, и ярость. Последняя вернется позже – в момент прямой схватки с врагом; теперь же нужен был холодный разум, который сразу же отмел прочь робкое предложение супруги:

– Марк… а может, отдать им Камень… Что это изменит в нашей судьбе. Зато туча, быть может, не вернется.

– Ты серьезно?! – круто повернулся к ней легат; в его голосе не было злости, за что Лентулл был глубоко благодарен другу – лишь глубокое изумление, – ты серьезно веришь этому нелюдю? Разве непонятно, что он управляет этими тварями – иначе почему туча обрушилась только на наших разведчиков? Нет – ему нужно все. Крепость, наши богатства… ты, Теренция, и ты Ливия!

Теперь Спартак ухватил ладонями сразу за две руки жены, успокаивая, пытаясь загородить ее собственным телом от ужасной действительности. Увы – весь мир загородить было невозможно. Как и знакомую до мелочей перспективу под стенами крепости, где сейчас хозяйничали непрошенные гости. Теперь легион, ощетинившийся в сторону дикарей длинными копьями, не выглядел внушительным и грозным. Потому что над ним, и над всей крепостью зарождалась новая туча кровососов.

Дикари тем временем решили сделать паузу. Откуда-то из болота, подступавшего ближе других к крепости, двое болотников шустро катили толстенную короткую колоду. Пятеро других тащили, низко клонясь от тяжести, чурбаки поменьше. Большая, как понял консул, представляла собой походный стол командования объединенного войска дикарей («Грязной шайки, а не войска», – поправил себя Спартак); на пять других тут же уселись вожди – по правую руку от главного женщина и практически обнаженный дикарь; по левую – два зверовидных мужика в грязных шкурах. Взгляд консула лишь скользнул по огромной фигуре Дену; остановился на втором лице – на дикаре, которого подданные называли Бароном. Невероятно, но сейчас Спартаку показалось, что не только звуки, но и взгляды, и даже мысли – все соединяло напрямую эти два пятачка, которые занимали непримиримые враги. И в глазах Барона, сидевшего не ближе десятка дюжин стандартных шагов, он прочел вожделение, похоть и обещание грубых

наслаждений, направленных на его жену, на Теренцию Квинтиллу! Словно она была обещана грязному дикарю в качестве приза.

– Это так, – понял консул, заполняясь гневом и отвращением; он словно присутствовал раньше на торге, где дикари делили добычу, – «шкуру неубитого болотного медведя».

Он прошептал эту общеизвестную фразу и шагнул вперед женщин – обеих сразу – прикрывая их от алчных взглядов, и присоединяясь к легату в его твердой уверенности.

– Лучше умереть, чем попасть им в руки, – заявил он со всей возможной твердостью в голосе.

– А лучше, чтобы умерли они, – Марк Туллий показал рукой на пятерку внизу.

Сзади, за спиной – к великому удивлению Спартака, и, наверное, легата, вздохнула Ливия; которая – как было известно всем – была самым миролюбивым существом во вселенной:

– Хорошо бы…

И это словно послужило командой для легата; а через него, посредством хорошо известного Спартаку жеста, и легиону. Живые стальные шеренги шагнули вперед, направив копья прямо в сторону сидевших на чурбаках вождей. Четверо из них побледнели; они явно были готовы вскочить и броситься назад, в родные болота. Потому что знали, что набравший шаг легион не сможет остановить никто и ничто. И только спокойный, даже самоуверенный вид их предводителя, который до сего момента играл на столе-колоде реликвиями племен, как обычными камешками, удерживал их от панического бегства. Вождь, убивающий взглядом, иронично улыбался и шевелил губами – он явно считал шаги легиона. И от этого спокойствия всем на стене (включая консула) стало не по себе.

Вот Вождь перестал считать, бросил камушек к остальным, и щелкнул пальцами. Вокруг стало темнее – это туча в небесах сгустилась, стало практически черной. Еще один громкий щелчок, звук которого легко преодолел дюжины стандартных шагов, заставил кровососов вытянуть к низу, к мерно шагавшей стальной коробке, один громадный, общий на всех хобот.

– Или лезвие меча, – представил себе более привычное оружие консул, – которое сейчас обрушится…

Третий щелчок, и туча взвыла от ярости и предвкушения чудовищной боли – своей и чужой – и действительно…

За мгновенье до этого рокового удара по не снизившему темпа (два стандартных шага за удар сердца) легиона ласковая, но неодолимая сила отодвинула Лентулла влево, а легата, соответственно, вправо. Две царственные женщины; всегда такие хрупкие, во всем полагавшиеся на силу и мудрость своих мужей, встали между ними. Ладони соединили четверку в единую цепь, и великая певица обрушила на мир первую ноту. Именно обрушила – тяжело и торжественно. Словно добавила в поступь легиона каменной тяжести. Консул знал эту песню. Не слова неизвестного языка, а ее внутренний смысл; силу, что несло каждое слово. И он вплел свой голов в общий хор, и каждое слово становилось понятным – словно в череде прежних жизней он когда-то говорил и на этом языке.

– А может, и говорил, – с радостью понял он, выталкивая из груди, – «Вставай, страна огромная, Вставай на смертный бой!…».

Он пел; пели все римляне, граждане страны, больше которой в мире не было. И этот гимн заставил тучу остановиться, словно в нерешительности и общем раздумьи; а вождей, вместе с их грязными подданными, броситься в болота. Но не исчезнуть, а выстроиться неровной шеренгой за первыми же кустами, что росли уже на топкой почве. Там – знал Спартак – легион не сможет держать слитный строй; там у дикарей появится весомый шанс разодрать его на куски. И в песню каким-то чудом вплелась команда легата: «Легион! Стой!». Шеренги остановились – прямо перед столом, на котором уже не было Камней. Но не перестали петь

вместе с остальными римлянами. А консул, до сего момента пребывавший в радостной эйфории, вдруг задал себе вопрос:

– И что теперь? Не можем же мы петь вечно? А туча ждет!

Гимн на языке, который уже был почти знакомым, родным, звучал уже в третий раз. В пересохшем горле першило, как, наверное, у многих вокруг. Первой – нет, не сдалась, а выразила свою боль и нежелание сдаваться выразила Ливия. Она вытолкнула из себя хриплое, и такое привычное в последние круги: «Ах!», – и осела на руки супруга. И уже не видела, что ее горестный возглас словно взорвал мир – в сознании Лентулла Батиата. Внешнее изменение было пока одно, но какое! Живая туча словно исторгла из себя победный клич, направленный совсем не на римлян. Она ужалась до размеров, не превышавшей площади перед крепостью, и рванула. Куда?!

Консул едва не выдернул руки из ладошки супруги, чтобы протереть глаза от другой невероятной, поистине волшебной картинки. Чахлые заросли болот разрезала ровная просека, ведущая вдаль. Эта полоса, начинавшаяся прямо от края площади и шириной не превышавшая дюжины стандартных шагов, не имела никакого отношения к жидким топям болот. Она была идеально ровной; даже на расстоянии теплой и чистой. К ней хотелось приникнуть рукой, или всем телом. А еще – не отрывать взгляда от ослепительно яркой зеленой звездочки, которая зажглась далеко-далеко, и не собиралась гаснуть.

– Не гасни! – попросил консул ее, – дай отпор туче… мы так долго тебя ждали.

– Ждали! – выдохнул рядом Марк Туллий, – ждали, Товарищ Полковник… дождались!

А по толпе римлян, прекратившей петь, как только туча гнуса унеслась прочь, прокатилось до края стены и обратно: «Избавитель!».

Но больше всех были потрясены, конечно же, дикари. В их болотных сказах и легендах фигура Избавителя тоже занимала главенствующее место. Но ждали ли они его так истово, как римляне? Теперь же они бросились врассыпную от дорожки, рассекшей их болота, словно гигантский клинок, не знавший преград. Только Вождь, лишившийся летучего войска, задержался, чтобы бросить взгляд, полный ненависти, на крепость. Его губы зашевелились, и Спартак, не порвавший до сих пор невидимых нитей, что позволяли ему ощущать и гнев Вождя, и его растерянность, и даже слова, услышал, как тот буквально выплюнул в болота фразу, заполненную страхом:

– Пришли! Пришли проклятые русские…

Глава 4. Оксана Кудрявцева. Беда, которую не ждали

В ушах еще гремело мощное «Ура». Александра, ее Сашу, наконец-то опустили на широкую ступень перед широко открытой дверью цитадели. И к нему тут же подскочил алабай – младшая копия Малыша, на котором уже красовался ошейник его знаменитого отца. Но Саша лишь потрепал подросшего щенка за ухо, и нагнулся к чему-то, видному только ему. Это «что-то» скрылось в кулаке командира, и его лицо в один миг стало отсутствующим, чужим, страшным. Оксана первой закричала, рванулась к мужу, понимая, что сейчас, в эту минуту, может случиться что-то непоправимое. Она заколотила кулачками по груди Александра; тот «одарил» ее взглядом, полным безразличия.

– Нет! – поняла она в отчаянии Кудрявцева, – сейчас это равнодушие превратится в ярость, в безумие, и тогда никто и ничто не сможет остановить его!

Еще не проснувшийся материнский инстинкт заставил Оксану схватить руку мужа, и прижать ее к большому животу в последней, единственной надежде – что в полковнике Кудрявцеве тоже проснется инстинкт; что еще не родившиеся дети позовут его к себе, вырвут из страны страшных грез, в которую неведомое «что-то» окунуло мужа. И сыновья словно услышали мать; один из них топнул ножкой. Александр воспринял этот сигнал; сжал побелевшие кулаки с такой силой, что (поняла Оксана), будь внутри них камень, он тут же превратился бы в тончайшую пыль. И тут же с великим удивлением увидела, как меж разжавшихся пальцев любимого человека на ступень потекли серые струйки, сдуваемые ветром. А на нее смотрели такие родные; чуть виноватые глаза мужа. А потом эти глаза наполнились тревогой – за миг до того, как к самой Кудрявцевой пришло понимание: «Сейчас произойдет что-то ужасное!».

– В укрытие! В цитадель! – закричал что было сил полковник, разворачиваясь к врагу, который падал на людей, до сих пор радующихся великой победе над Спящим богом, с неба. С серого, такого чужого и неласкового неба, заполненного мельчайшей изморосью дождя. Оксана только что обратила внимание на это обстоятельство; весьма необычного – ведь только что во всю мощь прибрежной осени палило ласковое солнышко. Теперь солнца не было – совсем. Зато были какие-то летающие монстры, обрушившиеся на людей. Они были не крупнее кулачка израильтянки, но было их… Оксана, наверное, даже не знала такого числа. И они буквально облепили людей. Многих, очень многих. И все вокруг заполнил безумный человеческий вопль десятков жертв. Многие были в защитном камуфляже; сейчас эти фигуры, тоже облепленные кровососами, махали руками; всем, чем только можно было. Но что они могли противопоставить этим вездесущим тварям? Разве что тащить бьющихся в судорогах беззащитных товарищей в цитадель. Но дверь туда уже была закрыта, и это было правильно – как бы не кощунственно это не звучало. Но было на площадке другое место, не менее надежное. Оно было небольшим, не более пяти-шести метров в диаметре. И создавал эту защиту полковник Кудрявцев, широко раскинувший руки, и шептавший что-то злое и угрожавшее. Именно он позволял сейчас Оксане оставаться абсолютно невредимой, и даже отстраненно размышлять о трагедии, разворачивающейся вокруг.

В круг, о незримые границы которого бились в ярости крупные мошки, заскакивали люди, с которых гроздьями опадали, и тут же замертво усыпали своими телами пластмассовую ступень, уже мертвые кровососы. Оксану прижало к спине мужа. В животе мощно и требовательно затопали ножками сыновья, и муж, словно в ответ, натужно просипел: «Оксана, помогай!».

Неимоверным усилием Кудрявцева оказалась рядом с мужем, по левую сторону, как и полагается верной жене. Ее рост, конечно же, не позволял достать высоко вскинутые ладони Александра; но тот опустил руку, и две ладони соединились. Соединились и два взгляда, что

заставило Оксану едва не закричать от ужаса. Лишь краешком души она прикоснулась к тому Злу, что изливали в бессильной ярости твари, и тот, кто стоял за ними, кто направлял их кровавое торжество. А потом в душе проснулась древняя и могучая сила, которая всегда спала в ней – еще с первой встречи с Седой Медведицей. И эта сила сплелась с могучей волей полковника Кудрявцева, выплеснулась общим вздохом-приказанием: «Пошли прочь!».

Живая туча шарахнулась от цитадели еще быстрее, чем падала на жертвы. Даже полураздавленные, издыхающие особи, что ползали по пластиковой ступени круга, беспомощно тычась в его запретные границы, сейчас, что было оставшихся сил, устремились в направлении, куда теперь показывали соединенные руки супругов. Туда, где в каких-то зарослях терялась дорога, так и не достроенная до приморского города-курорта. В этой дороге чуть не хватало до двадцати километров, и сейчас – поняла Кудрявцева – она вела в никуда. Потому что мир вокруг был чужим, бесконечно непонятным и враждебным. Даже низко нависшее небо наверху, брызнувшее сейчас зарядом крупных дождинок, словно шептало: «Уходите, я не звало вас сюда!».

– И мы сюда не рвались! – с ожесточением ответила тяжелым темным тучам израильтянка, – не рвались за этим.

Оксана вместе с Александром повернулась к телам, что неподвижно лежали на широкой ступени. Их было много, очень много, непоправимо много для города, в котором потеря даже одного человека была трагедией. Здесь же…

Раньше нее эту страшную задачу взял на себя огромный и мрачный Левин, вынырнувший из-за угла цитадели. Он шел к командиру, очевидно с докладом. Шел не прямо, не чеканя шаг – как он это обычно делал, подходя к старшему офицеру. За ломаной траекторией его пути; за противным хрустом оболочек мертвых насекомых, по которым шагал сержант и за кровавыми кляксами, в которые превращались отпечатки его ботинок, безмолвно наблюдали люди, никак не решавшиеся выйти из безопасного круга. Первым шагнул вперед, показывая, что никакого круга, и никакой опасности больше нет, сам командир. Ну, и Оксана, конечно – ведь Александр так и не отпустил ее руки.

На них и обрушил горе и растерянность Борис, так и не снявший шлема. Его глаза в открытом забрале словно кричали: «За что?!», а губы прошептали страшное:

– Двадцать восемь…

Это число ужаснуло Оксану; а позади, за спиной, вызвало громкие крики ужаса. Кудрявцеву едва не смело в сторону живым ураганом – это мимо них с Александром промчалась, и рухнула на колени Зинаида. Оксана едва узнала всегда улыбчивую повариху, не пожалевшую коленок; рухнувшую на них с разбега перед останками длинного, сейчас практически неузнаваемого тела. Каким чудом Зина узнала в этой высохшей мумии своего мужа, доктора Брауна? Израильтянка знала этому чуду название – любовь. Любовь, которую сейчас растоптали; точнее – выпили своими безжалостными жалами летающие твари. Оксана теснее прижалась к Саше, перед которым продолжал топтаться Борька Левин – с таким же жалким и беспомощным лицом.

– Сержант! – напомнил ему об обязанностях полковник Кудрявцев.

Эта резкая команда, а больше того – огромная, и одновременно изящная фигурка Светланы, жены начальника охраны, скользнувшая из дверей цитадели, и склонившейся перед ближайшим телом – заставила щеки Левина порозоветь, а все тело подтянуться в обычной строевой стойке.

– Товарищ полковник! – рука дернулась к шлему в запоздалом приветствии, и тут же «поехала» вбок, по окружности, обводящей окрестности, – докладываю: за пределами города местность изменилась полностью.

– Что значит, изменилась? – нахмурил брови командир.

– Да, – про себя добавила строгости в вопрос мужа израильтянка, – и что значит «полностью»?!

– Нет никаких привычных ориентиров, товарищ полковник, – пожал широкими плечами сержант, – я успел объехать по периметру. Нет ни леса, ни степи с животными, ни реки.

– А что есть?

Своими вопросами Александр (а сержант – ответами) словно пытались отгородиться, и оградить еще и Оксану от последствий трагедии, которая только что разделила историю города на две части.

– И во второй, – подумала Кудрявцева, – нам теперь придется жить с вечным осознанием вины перед погибшими. Особенно тебе, Саша.

Командир, между тем, ждал ответа начальника охраны. И тот, собравшись с мыслями, доложил, еще раз пожав плечами:

– Болото какое-то вокруг, товарищ полковник. Из него и прилетела та туча… в нем и скрылась. Там (он махнул в сторону громады цитадели, явно имея в виду пространство, которое загораживало здание) на горизонте виднеется лесок позеленее и повыше, чем болотные заросли. Мое мнение – там эти болота заканчиваются. Будь моя воля, я бы постарался туда перебраться. Не нравится мне здешний воздух, товарищ полковник.

– Мне тоже многое тут не нравится, сержант, – Кудрявцев заметно поморщился.

Может, от тухлого болотного запаха, который щедро швырнул на площадку холодный мокрый ветер; а может, от очередного вскрика рядом – кто-то из женщин опознал очередную жертву. Плач вокруг, между тем, не прекращался. Теперь Света Левина, так и бродившая по этой арене смерти, останавливалась ненадолго перед живыми, склонившимися над мумиями. Она поглаживала ладошкой по головам тихо голосивших женщин и замерших в отчаянии мужчин, и что-то шептала. И вслед за ней тянулся шлейф…

– Не умиротворения, нет! – поняла, наконец, Оксана, – горестного напоминания, что жизнь этими мгновениями не закончилась, что рядом друзья, готовые разделить горе. А еще (внезапно ожесточилась она) есть враг, накликавший беду на наши головы. И этого врага надо будет найти. И покарать.

Может, эту мысль восприняла колдовская душа Левиной; может, она трансформировалась в ее шепоте нужными для исцеления истерзанных горем людей словами? По крайней мере, многие сейчас отрывались от останков, и обращали свои взоры к командиру, к Оксане с Левиным. И новой порцией бальзама сейчас, несомненно, была спокойная речь полковника Кудрявцева:

– Что на постах? Успели заметить что-то необычное?

– Нет, товарищ полковник. Говорят – моргнули глазом, и вокруг – болота. А в Северном посту… ничего больше не говорят. И не скажут. Ребята зачем-то открыли окна поста. Там сейчас такая же картина.

Он показал пальцем на ближайший труп, и Оксана едва удержалась от вопроса:

– Еще два – к двадцати восьми… Или…

– Да, – кивнул ей, и командиру, сержант, – всего тридцать… это еще не считая тех, кого успели занести в цитадель. Может, и там…

– Не может! – рядом остановилась Светлана, которая, наверное, успела одарить утешением всех вокруг, – в цитадели все живые. Были покусанные; серьезно покусанные. Больше всех досталось Толику Никитину. Сейчас, наверное, сидит в столовке, жрет за десятерых.

– Это он умеет!

Зинаида Сергеевна, наверное, выплакала свое горе над телом доктора. Или психотерапия Левиной помогла. Она сейчас стояла перед Кудрявцевыми и Левиными внешне очень спокойная. Только губы дрожали, да в глазах плескалась неутоленная ярость.

– Товарищ полковник, – она вытянулась перед Кудрявцевым едва ли не рьяней, чем недавно сержант, – очень прошу вас. Найдите того мерзавца, который наслал на нас эту… гадость. И покарайте его – так, чтобы весь этот мир содрогнулся. И никогда не забыл об этом.

Полковник не стал спрашивать повариху – откуда в ней родилась и укоренилась уверенность в том, что это не было спонтанной атакой болот; что чья-то злая воля направляла полет кровососов. Он – поняла Оксана – и сам был уверен в этом.

– Обещаю, Зина, – чуть склонил голову командир, – всем обещаю.

А потом не удержался, шагнул вперед, схватив в объятия и жену, и Зину. Близнецы в животе тут же отозвались упругими толчками, и – удивительное дело! – кто-то ответил им. Так же! Оксана поняла, что главная кормилица города тоже беременна; что доктор Браун оставил после себя частичку… себя же. И что когда-нибудь по городским улицам вместе с ее сыновьями будет бегать мальчишка с «фирменным» британским личиком, или девочка, точь-в-точь повторившая портрет принцессы английского двора.

– Точнее, Зинаиды, на которую доктор и перенес всю свою любовь.

– Девочка, – вдруг шепнула Зинаида, и даже улыбнулась – несмело; так, чтобы никто, кроме Оксаны, этой улыбки не заметил…

– Итак, – командир обвел взглядом высокое собрание, что мы имеем на текущий момент?

Так – «высокое собрание» – Кудрявцева обозвала заседание Совета, собравшегося на последнем, двенадцатом этаже цитадели. Половину стен в этом помещении заменяли панорамные окна. Оксана уже нагляделась на безрадостные картины болотных пустошей; на чуть более «веселые» заросли, которые тянули свои ветви к вечно темному небу километрах в трех от города. И на тянущуюся вдаль дорожку из пластика, которая уже никогда не приведет к морю.

– Куда она вела сейчас? – Оксана задала вопрос чуть раньше, чем общим вниманием завладел Александр, и сама же ответила на него, – Толик Никитин утверждает, что в этот узкий просвет он разглядел какой-то замок. Можно ли верить трактористу, про длинный язык которого знают все? Можно – потому что Саша сказал, что тоже разглядел что-то… такое. И даже обещал меня взять на экскурсию к этому «замку». Когда снимет запрет, наложенный самим же на все «экскурсии». На все!

Оксана понимала мужа. Уж если они вдвоем, с их уникальными ментальными способностями, смогли уловить атаку кровососов всего за несколько мгновений до того, как она началась, то что говорить…

Она не сказала «о простых смертных»; но подразумевалось именно это – без всякого высокомерия и спеси.

– Просто констатация факта, – подумала она, – и пока не будет полной уверенности в безопасности вылазок, ни один человек не покинет город. Слишком многих мы потеряли в тот день…

Теперь «день» был условным понятием – как и «ночь», и «вечер», и многое другое. Потому что солнце так и не прорвалось сквозь тучи (если оно вообще там было!). Границы города всю условную неделю, дни которой сама Оксана отсчитывала по огромным часам, мерно тикавшим на стене цитадели – они по-прежнему показывали и дату, и дни недели – не покинул ни один человек. Больше того – все передвижения происходили исключительно внутри защищенных от всяческих напастей мест; благо, все такие места соединялись подземными коридорами. За это надо было благодарить коменданта Валерия Ильина, главного городского строителя. Он и встал первым, готовый ответить на вопрос командира. Хотя Кудрявцева ожидала, что первым выскочит, как всегда, Толик Никитин.

– Мы сегодня имеем очень ограниченные запасы энергии, – хмуро заявил комендант. Эта серая мерзость (он ткнул пальцем вверх, в сторону вечно закрытого тучами неба) дает нам так мало киловатт, что скоро придется ограничивать себя во всем.

– Как скоро? – лицо Александра тоже стало хмурым.

– Если через неделю что-нибудь не придумаем, придется перейти на двухчасовую подачу энергии в сутки.

– Ну, точно, как первые дни в родном мире! – все-таки не выдержал, и вскочил тракторист, – помните, как мы сомалийский лагерь распотрошили (лицо командира стало еще мрачнее, и Анатолий поправился) … ну…, приняли его в свой Союз, вместе с Максимкой. А выход есть, и он давно всем известен. Фольклор надо изучать, уважаемые товарищи.

Он оглянулся при этом на Алексея Александровича, на профессора лингвистики, который по определению мог поучить и тракториста, и всех других на Совете этому самому фольклору. Пока же всех учил менторским тоном, с видимой ленцой в голосе, именно Никитин. А рядом улыбалась, поглаживая живот, Бэйла. Она никогда не сомневалась в соображалке своего мужа.

– Есть такая поговорка, – вещал Толик, – «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». Все слышали?

Ему хватило, что кивнул профессор. Тракторист продолжил:

– Если солнышко, его лучи не хотят спускаться к нам, значит, что?…

Если кто и желал ответить ему, то не успел – Анатолий сам поспешил продолжить:

– Значит, батарея сама должна подняться туда, к солнцу, – теперь он показывал пальцем вверх, сквозь толщу пластика и воды – ведь зеленая пирамида крыши над ними была, по сути, громадным резервуаром, откуда вода поступала самотеком в дома и рабочие помещения.

– А туда, наверх, она подается при помощи все тех же солнечных киловатт, – отметила Оксана, – и если не будет энергии…

Она представила себе их с Сашей уютную квартиру; сияющую чистотой ванную, без которой невозможно обойтись, имея на руках двух дочек семилеток.

– Еще и близнецы на походе, – она тоже незаметно для всех погладила выпуклый животик.

– А есть ли оно там наверху, солнце? – неожиданно для всех прогудел Спартак.

Обычно он отмалчивался на диспутах, имеющих хоть малейшую научную подоплеку. Сейчас же он задал весьма актуальный вопрос.

– Конечно, есть, – без тени сомнения в голосе заявил тракторист, – да будет тебе известно, друг гладиатор, что без центрального светила жизнь на планете зародиться не может. А здесь она (Анатолий махнул теперь в сторону окна, за которым простерлись километры болот) бурлит и благоухает.

– Ага, благоухает, – иронично хмыкнул Кудрявцев, подводя итог этой дискуссии, – хочешь, окошко открою. Нет? Тогда рассказывай, что предлагаешь. Факты, раскладки. Цифры – если есть.

– Цифр нет, – тут же подтянулся Никитин, – зато есть хорошая память.

– Хорошая память здесь у всех, – проворчал кто-то не опознанный за спиной Кудрявцевой.

– Тогда вспомните, – тут же повернулся в эту сторону Анатолий, – вспомните, как мы перебирали варианты восхождения на горку, к американцам?

– Ага, – засмеялись тем же голосом, теперь опознанным Оксаной; это Виталий Дубов сейчас подначивал друга, – ты еще тогда предложил воздушный шар склеить. Квадратной формы.

– Кубической, – тут же поправил его Никитин, – как ты вовремя вспомнил про это, Виталька. Я предлагаю сейчас к этой идее вернуться.

– К кубическому воздушному шару?

Теперь иронию Дубова никто не поддержал. Все ждали слов тракториста.

– Не важно, какой он будет формы, – отмахнулся Никитин, – главное – что эту летающую батарею надо поднять выше облаков. А вместо нитки, которой детишки гоняют свои воздуш-

ные змеи, прикрепить к нему электрический провод. А второй конец – к аккумулятору. Или сразу в сеть.

– Вот-вот, об этом главном и расскажи, – вступил, наконец, в диспут профессор Романов, – как ты заставишь подняться выше облаков громадный шар? Маленький ведь смысла запускать нет?

– Нет, – кивнул тракторист, явно чему-то обрадовавшийся, – и опять я, товарищ полковник, хочу вознести хвалу тому, кто наделил нас такой хорошей памятью.

Он осторожно, чтобы командир не рассердился, подмигнул и полковнику, и стоящей рядом с последним Оксане; явно намекая на то, что знает, кто это постарался – и с памятью, и со всеми остальными плюшками.

– Вспомните, товарищ полковник, как мы с вами крокодила гигантского подстрелили?

– Во, как! – усмехнулся Александр, – «мы с вами»?

– Так точно, – не моргнув глазом, отчеканил Анатолий, – крокодила того пуля калибра семь-шестьдесят две не взяла, а ваш пластмассовый болт в два счета утихомирил эту громадину. Вы ведь что-то сказали вслед болту, товарищ полковник?

– Ну, сказал, – буркнул Саша.

– Вот, – опять обрадовался тракторист, – и шару скажете. Что бы он и в небеса взмыл, и энергию успешней запасался, и…

– Еще и картинку сверху показывал, – подхватил тут же начальник охраны, – с приближением, если потребуется.

– Ага, – теперь рассмеялся уже Александр, – например, вот такую.

Его смех был напряженным; кому, как не его жене было знать об этой особенности командира – встречать неизвестность с улыбкой на лице. Она резко повернулась к окну, куда уже глядел Александр. Он обнял израильтянку за плечи, и показал на дорогу, которая исчезала в болотах. В последнее время мало кто уже обращал внимания в эту сторону; разве что часовые на постах. Но дорогу во всей ее протяженности (в пределах видимости) можно было разглядеть только отсюда, с верхнего этажа цитадели. И теперь именно полковник Кудрявцев выступил в роли часового, первым обнаружившего неприятеля.

– Или друзей? – тот вопрос Оксана задала вполголоса.

Она сама не поверила в это предположение; хотя верить хотелось. Не хотелось больше смертей, крови, и ужаса. Но что могли нести с собой люди, бесстрашно пересекавшие километры болот, где таились мириады кровососов? Люди, наряд которых составляли какие-то сверкающие доспехи, явно стальные.

Впрочем, за шеренгами вооруженных людей она разглядела какой-то экипаж, который тащила за собой пара низкорослых лошадей.

– Это на расстоянии они кажутся низкорослыми, – поправила она себя Кудрявцева, – а на самом деле, быть может, они размером со слона. Вон тот громила в коляске точно уж не уступит ни в чем Левину.

В «коляске», управляемой каким-то стариком, кстати, сидели четверо – две женщины, и двое мужчин; все облаченные в длинные одежды пурпурного цвета. В руки Кудрявцевой ткнулся небольшой бинокль, согретый рукой Александра. Она поднесла его к глазам – в тот самый момент, когда Боря Левин без всякого инструмента распознал строй идущих впереди воинов:

– Легион! Это же римские легионеры!

– Еще какие римские! – громко, во весь голос, расхохоталась Оксана.

Она рассмеялась весело и легко, словно с души упал камень, взращенный там неделю назад. Потому что она никак не могла представить себе врагами Борю Левина, его Светлану, и Спартака с Ирой Жадовой. Именно они, или точные копии товарищей, с которыми было

так много пережито, таращили сейчас глаза на город – с повозки, которая подчеркивала их высокий статус.

– Ну, что ж, – с заметной иронией приказал полковник Кудрявцев, который, конечно же, тоже отметил знакомые лица, – сержант Левин!

– Я! – тут же подскочил Борис.

– Иди встречай гостей… вернее, хозяев. Как говорит наш всезнайка: «Если гости не идут к хозяевам, хозяева сами придут к гостям».

– Есть, товарищ полковник! А…, – замялся сержант, – а вы?

– А мы с Оксаной, и остальными чуть позже подойдем, – Саша подмигнул жене, и Кудрявцева улыбнулась в ответ.

Она тоже хотела посмотреть со стороны, как встретятся два Бориса; а потом две Светланы, и два Спартака с Иринами.

Глава 5. Легат Марк Туллий. Дождались

Битва с дикарями так и не состоялась. Хотя и без нее римляне понесли ужасающие потери. Когда последний болотник исчез в топях, консул рядом длинно и грязно выругался. Не смог сдержать себя, несмотря на высокородных женщин рядом и таинственный зеленый огонек, что зажегся далеко впереди – там, где, наверное, заканчивалась тропа, появившаяся одним мгновением. В жизни римской провинции таких чудес прежде никто не видел. Сам легат – точно. И у него сейчас было единственное объяснение этому чуду. Торжественный гимн, который полностью завладел душами римлян, и который предложила Теренция Квинтилла – вот что заменило волшебную палочку из детских сказок, которые давным-давно маленькому Марку рассказывал все тот же прокуратор. Потому Марк Туллий не мог не сделать того, что сделал. Он увлек высокородных от края стены, там повернулся к Ливии с Теренцией, и отвесил им глубокий поклон, какими положено было приветствовать великих героев – в тех же сказках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.